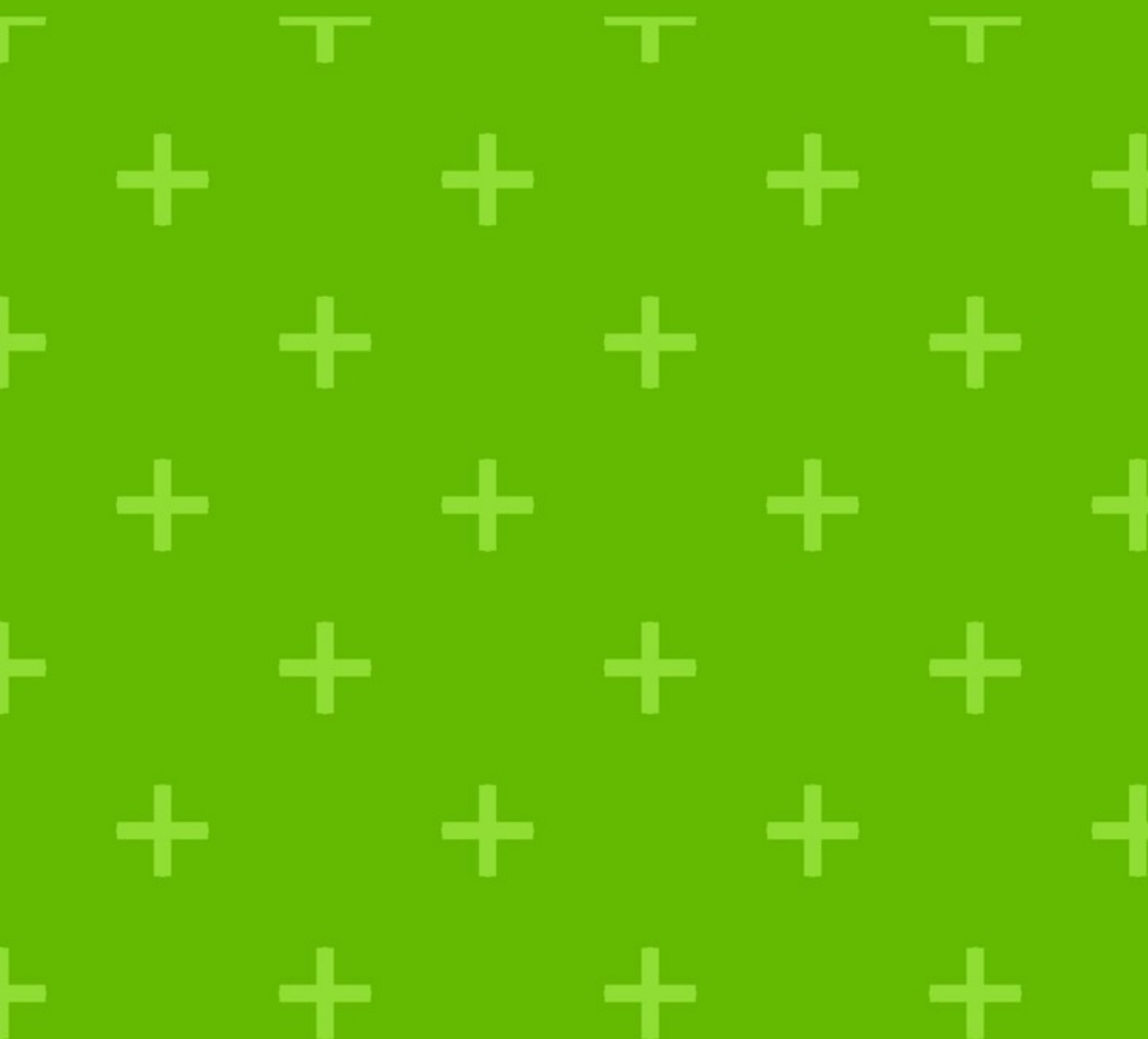

Анатолий Агарков

Лето приключений

Анатолий Агарков

**Лето приключений. Настоящий
друг не позволит тебе
совершать глупости в одиночку**

«Издательские решения»

Агарков А.

Лето приключений. Настоящий друг не позволит тебе совершать глупости в одиночку / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933501-2

Мальчишки любят играть в индейцев. Мальчишки любят играть в пиратов. Еще мальчишки любят приключения, которые с ними случаются в лесу и поле, на болоте и озере, в заброшенной церкви. Но больше всего на свете мальчишки любят искать клады... И ведь находят...

ISBN 978-5-44-933501-2

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	12
4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Лето приключений Настоящий друг не позволит тебе совершать глупости в одиночку

Анатолий Агарков

*Настоящий друг не позволит тебе совершать глупости в одиночку.
(народная мудрость)*

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4493-3501-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Приходит время, и начинаешь задумываться – кто ты? что ты? для чего? кто враг твой, а кто друг и почему? Про улицу и пацанов что говорить – сотни раз дрались и полтыщи мирились. А вот дома....

Отец? Отец, конечно, мой друг. Он любит меня не за политые грядки и собранную малину – он светлеет лицом просто от того, что я рядом. Глупый ли вопрос задам, а может совсем дурацкий – не отмахнётся, отложит свои дела и всё обстоятельно разъяснит. Не ругает за плохие отметки и не суёт свой нос – а вот за это я ему особенно благодарен – в мои тетрадки.

– Тебе жить, сынок, ты и учись. Дашь возможность тобой гордиться – буду рад.

Он чуть в пляс не пускался, когда я демонстрировал жирнейшую в полстраницы пятёрку за какой-нибудь школьный шедевр.

– Наша порода – Агарковская!

Они (родители) давно поделили нас (детей) на «твою» и «моего». Хотя иронией природы внешне и характером сестра Людмила более напоминала отца, а я вылитая мать – мелкий, робкий, остроносый.

Люся училась прилежно – так ведь девочка! – но в школе не блистала. Улица была её стихией. Ходить, драться и материться она научилась в один день. Не было для неё пределов и авторитетов за стенами дома. Не скажу, что она лупила всех подряд, нет – в обычной обстановке она была обычной девочкой. Но лишь запахнет жареным, Люся преображалась.

Однажды спёрла дома рубль и купила на него кусок жевательной серы у бабки Рыженковой. Ему цена красная – десять копеек, но старуха сдачу зажилила.

Мама пропажу обнаружила и на Люсю:

– Что жуём?

Ну, та ей всё и выложила.

Мама к соседке:

– Как не стыдно – малого-то ребёнка....

– А пошла ты! – ощерилась старуха.

Люся была тут, жвачку в пыль выплюнула, подняла камень – бац в окошко!

– Отдай рупь, сука!

Бабка заголосила, рубль отдала, а вечером отец ей стекло своё вставил.

Вот такие номера откалывала моя старшая сестра.

Любили ли она меня? Тут и гадать не надо – нет, нет и нет! С самого своего рождения – родители-то работали – стал для неё обузой. Таскала с собой по девчоночьим посиделкам – реветь, капризничать и жаловаться запрещала под страхом наказания.

Чуть подрос, драки пошли промеж нас нескончаемые с одинаковым финалом – мне доставалось. Ещё подрос – драки прекратились. Не потому, что сдачи уже мог дать, характер начал формироваться – девчонок обижать нельзя. Уходил от любого конфликта, а сестра ещё больше психовала, «рахитиком» обзывала, ревновала к отцу, к школьным успехам, выскивала слабины, подмечала промахи и высмеивала. Жил постоянно на острие её критики, и никакой поблажки. Разве так относятся к родственникам? Вот у Андрея Шиляева старшая сестра Таня – ну, как не позавидуешь? Мне такую – я бы для неё в лепёшку расшибся.

Мама.... Может, она и любила меня, но где-то в глубине души, очень глубоко. Отец построил семейные отношения так, что мы с ней как бы оказались по разные стороны баррикады. Мой сын – Агарковский корень! И мамина родня – Шилкина порода. Апалькова – у мамы девичья фамилия. Кто такие Шилкины – до сих пор не знаю. Но в тогдашних ссорах с сестрой нередко вставлял:

– У-у, Шилкина порода.

Мама это слышала, и в восторг не приходила.

Этот сакраментальный вопрос – любят ли меня мама и родная сестра – мучил меня денно и ночью. Как проверить? Да очень просто – томосойеровским способом. Нужно удрать из дома и посмотреть – кто заплачет, а кто возрадуется. И тогда окончательно выяснится – кто есть кто, к кому и как следует относиться. Мысль о побеге из родительского дома, однажды родившись, уже не оставляла меня больше, чем на один день – вечерами перед сном каждый раз возвращалась. Совсем маленьким мечтал удрать в Карибское море – там тепло, и сокровищами усыпано песчаное дно. Но подрос и понял, не реально – далеко, дорого, да и через границы без паспорта вряд ли проشمыгнёшь. Думал о Крыме – там тоже тепло, но сокровищ не было. И на что жить – уму непостижимо. Бродяжничать? Милостыню просить? Как-то не солидно для настоящего пирата. Воровать – воспитание не позволяет. Крым помаячил и отпал.

А вот здешние леса и болото вполне годились для обитания – летом, конечно. Грибы, ягоды, птиц ловить можно, а в гнёздах у них яйца – ну, чем не пища. На болоте рыба кишмя кишит – запастись только инвентарём, ну или, на худой конец, чужим попользоваться. Только страшно ленивый не прокормит себя летом в наших краях.

Поживу, посмотрю, кто там дома заскучает, а к осени вернусь. Эта мысль не нравилась только одним – скучно без друзей, да и жутко, поди, одному-то в лесу. Чай не остров необитаемый – нагрянет кто-нибудь недобрый в шалаш, придушит сонного. С товарищами – другое дело. С товарищами сам чёрт не страшен!

Стал приглядываться к окружающим и чувствую – всё не то. Рыжен природу не любит – ему бы толпу зевак, да форсить с утра до ночи. Рыбаку рыбалка и охота нужны реальные, а не какие-то надуманные приключения. Да ещё дружба его с Пеней охладила наши отношения – ни воровство Толькино, ни дурные привычки (курение, например) не вызывали моего восторга. Мишка Мамаев, старший друг, тот гитарой увлёкся, и по вечерам всё больше с девочками на лавочке – возраст.

Такие проблемы держали меня на привязи, но желание росло, зрело, и должно было осуществиться наступившим летом – я это чувствовал.

2

Ещё в прошлом году решил завязать с футболом – была тому причина. Когда зону в Троицке выиграли, Пельмень, пива натрескавшись, трепался в электричке – на финал поедем. Команда мы, говорил, что надо – прославимся в областном масштабе, и на Союз замахнёмся. Я дома тоже не молчал – расхвастался перед родными, перед друзьями. И всё ждал – ну, когда же, когда?

В августе Рыжен пропал куда-то, вдруг появляется – расфуфыренный такой, важный, бахвальствующий без конца. Ездили они на область, не плохо показались – все матчи выиграли и лишь один, финальный, проиграли. И то – очень спорно. Столкнулись Ваня Готовцев с соперником бестолковками – челябинский-то финалист только шишку почесал, а наш, как упал в беспамятстве, таким и унесли с поля на носилках.

Когда грузили в «неотложку», скривился врач:

– Доигрались, стервецы. До похоронки доигрались.

Наши-то и струсили. Играть надо, а они на поле не идут – смерти боятся. Никакими силами не заставишь. Организаторы бузят – долой команду с турнира! Потом остыли, прослезились – травма-то серьёзной оказалась. У Ивана черепушка треснула, и «крыша» поехала. Дурачком, короче, стал, инвалидом – ни в школу, ни (позднее) на работу, никуда не надо стало ходить. В футбол, понятно, не играл уже, но любить не перестал. До сей поры болеет – ходит по кромке поля, кричит на все игровые ситуации:

– «Злак» (в наши годы – «Урожай», потом «Луч») – чемпион; «Спартак» (или «Динамо», или «Торпедо», или... кто бы там к нам не приехал) – кал!

Это не констатация фактов, это его, Вани Готовцева, мнение – увельских в чемпионы, а приезжих в сортир.

Отвлёкся. Вернули увельскую команду в турнир, только в последнем матче засчитали техническое поражение 0:2 (а счёт-то по полям был в момент столкновения). Посчитали, оказалось – заняла наша районная команда второе место в области и первое среди сельских команд. А меня там не было. Рыжен был, а меня не взяли. Обидно. В Троицке я ж неплохо отыграл – гол забил. Рыжен ни одного, и в области не отличился – а форсит, куда деваться, будто всю игру команде сделал. Потом их, сельских чемпионов, по областному телевидению показали в программе «Сельские огни», что по вторникам выходит. Как Рыжен от гордости не лопнул – загадка природы. Степенным стал, рассудительным, на нас свысока поглядывал – сермяжина, мол. О футболе судил с видом знатока, о его звёздах – будто вчера с ними пивасик брудершафил.

Сил терпеть такого задаваку не осталось, и я решил завязать с футболом – отныне и навсегда! Раз такие хвастуны приживаются – мне там не место. Рыбак ещё раньше бросил секцию – совсем закурился, теперь и я не пойду. Буду в шахматы играть или в кружок «Умелые руки» запишусь, «Кройки и шитья» – всё больше пользы, чем от футбола. Профессионалом мне не стать, так стоит ли напрягаться – ноги, голову ломать?

А тут как бы ни в первый день наступивших каникул Рыжен прибегает:

– Тезка, помощь нужна!

В очередной раз влюбился мой сосед и одноклассник, футбольная знаменитость.

Девушка была прелестна без преувеличений. Училась в параллельном классе, жила неподалёку и звалась Татьяной. Правду сказать, заметил я её ещё раньше Рыжена и влюбился раньше. Только чувства мои чувствами и остались: такой я растяпа – не умею в любви своего добиваться. А случилось это так. Я учился в классе лучше всех мальчишек, а Надя Ухабова вообще лучше всех – за это она в Артек ездила, а мне только грамоту дали, как победителю в районной математической олимпиаде. И нас некоторые учителя сравнивать стали, чтобы воз-

будить здоровое соперничество. Но куда ей до моих успехов в математике, а мне до её в русском – на том и примирились мы меж собой.

Только Надюха зовёт меня к себе домой:

– Помоги задачки решить.

Пришёл, помог – она мне чаю с мёдом. Вкусный мёд, а больше не приду, думаю. И она это чувствует – суетится, не знает, чем угодить. Тут её подружка и соседка заглядывает – эта самая Таня. Хорошенькая такая, скромная. Последнюю черту давно заметил. Её старшие братья, родной и двоюродный, не последние люди в Октябрьской ватаге – могли по слову сестры всю школу на уши поставить. А она ходила и взгляд прятала, будто стыдилась хулиганистых братьев.

Таня с нами чаю попила, задачки посмотрела, как решили, литературы немножко коснулись, и... пошло, поехало. Надюха хитрая, видит, что я подружкой увлечусь, зазывает к себе и добавляет – Таня придёт. И Таня приходила каждый раз – наверное, я ей тоже понравился. Две четверти встречались на явочной квартире, а потом, в преддверье новогодних каникул, заспорили.

– Все мальчишки – хвастунишки и трусишки, – утверждает Надежда.

И Тонька, сестра её младшая, вторит. Таня молчит, но, видимо, соглашается. Разговор катился к тому, чтобы мне на кладбище ночью одному...

Я:

– Дождёмся лета – и ночи потемней, и жмурикам потеплей.

Может и отбился бы, но Тонька, малолетний изувер, другое удумала:

– Пиходи на площадь к ёлке.

День назначила и час – девчонки её поддержали. Вам это свиданием покажется, а я-то знал, о чём идёт речь. У ёлки на площади все увельские ватаги пересекались – дня не проходило без потасовки. Прийти туда одному, одинаково, что партизану в гестапо заглянуть за куревом или за спичками – мол, холодно в лесу, окажите милость.

Согласился прийти и не пришёл. Не то чтоб сильно испугался – ну, отлупили бы, так не привыкать, а могло и пронести. Честно – забыл, заигрался. А девчонки помнили и приходили, а потом, после каникул, ну меня шпынять. Тонька, конечно, а Надя простила и опять в гости зовёт. Таня взгляд свой прелестный прячет и не здоровается. Так и не состоялась наша любовь, а могла бы.

Теперь Рыжен на неё глаз скосил и меня зовёт за компанию. Пошёл, сам не понимаю зачем. Сели на скамеечку под её окнами. Рыжен гитару щиплет – та, бедная, воеет, и приятель ей вторит:

– А на дворе стояла жгучая метель,

А мы с цыганкою помяли всю постель.

А тары-бары, шуры-муры до утра,

А ночь прошла, и расставаться нам пора.

До утра мы не выдержали, но до первых петухов отсеренадили честно. Не вышла к нам Татьяна. И никто не вышел, а могли бы. Например, её хулиганистые братья – так бы нам накостыляли... Рыжен с тем умыслом и позвал меня – одному-то больше достанется, а на двоих расклад половинный.

Не успокоился приятель мой, с другой стороны к сердцу красавицы подступает. Предложил её меньшим братьям – родному и двоюродному – в футбол сыграть на Танин поцелуй. Те не поняли его и согласились. Они думали, что если проиграют, то не будут препятствовать встречам Рыжена с их сестрой. Это даже льстило. Это как будто он у них разрешения добивался. А Рыжен – уж я-то его давно знаю – совсем другое имел ввиду, договариваясь о футбольном поединке. Проигравшие братовья, по его версии, должны были держать строптивницу за руки, когда он своим мокрогубым ртом... в её прелестные губки. А может, и не дошло бы

до насилия – взглянет на него, виртуоза кожаного мяча, красавица и растает её неприступное сердце....

Договорившись о поединке, Рыжен примчался ко мне:

– Выручай, Толян.

Я уже навсегда завязал с футболом, а тут опять «за рыбу деньги».

– Ладно, – говорю, – выручу.

Приходим вдвоём в назначенный день в назначенный час в назначенное место. Соперники уже поджидают. Их трое, и прошу запомнить имена – пригодятся. По возрастающей – Вовка Евдокимов родной брат виновницы баталии, Витька Серый двоюродный брат оной же, и Вовка Нуждин наш одноклассник и сосед выше перечисленных. В болельщиках известные уже дамы, причём Тонька Ухабова активно болеет за меня:

– Впиёд, Агаыч!

Забыл сказать – буква «р» у неё не получалась, а в остальном – премиленькая девчонка. Надя за Нуждасика болеет – они с ползункового возраста дружат. А Таня глазки свои прелестные долу опустила и сидит изваянием, как датская русалочка – скамеек-то не предусмотрели.

Пометили ворота кепками, пожали руки соперникам, и баталия началась. Рыжен туда, Рыжен сюда – в полубутсах, что в прошлом году с турнира привёз – везде успеть хочет, мастерством блеснуть. Схватил мяч в руки у своих ворот – соперники горячатся, пендаль требуют. Рыжен спорить не стал, в «рамку» встал и пендаль пропустил. Забеспокоился, вспомнив, что в зарок поставил. Чего только не предлагал на кон за Танин поцелуй, но родственники не загорались. Потом Вовка Нуждин спросил:

– Ружьё есть? У нас хорёк под крыльцом завёлся – убить надо.

Ружья у Рыжена не было, а у моего отца было. И Рыжен пообещал его, не согласовав этот вопрос со мной. Теперь забеспокоился – проигрывать-то нельзя. Поставил меня в ворота, а сам ринулся вперёд. Надо сказать, игра была предрешена – пусть их трое, так мы-то профи: секция, турниры своё слово сказали. Мы с Рыженом с мячом на «ты» – у ребят ни техники, ни физики, ни смекалки. Рыжен их один по полю таскает, я с Тонькой репьем перекидываюсь, а счёт уж за десяток перевалил – в нашу пользу.

Игра закончилась, пришло время расплаты. Для Тани. Она, бедная, ничего и не подозревала.

Рыжен к братьевым:

– Ну?

Те плечами пожимают:

– Вон сидит – иди, проси, чего хочешь.

Рыжену наглости не занимать – пошёл «на арапа». Смотрю в его потную спину и думаю – я-то за что напрягался, мне что, тоже с ним целоваться, или с Тонькой, или с Надькой? Рыжен, тем временем, к девчонкам подсел, Таню по коленке погладил, а она ему – бац по роже. Рыжен её за плечи и на спину повалил, мурлом своим в лицо целит. Таня отбивается. Братовья сидят, будто их это не касается. Девчонки бросились на помощь, навалились на Рыжена – писк, визг – колошматят.

Противно стало – поднялся и домой пошёл. Всех клянущ – себя, Рыжена, Таню за что-то, а больше футбол – ведь зарекался же. Шёл, не оглядываясь, а за моей спиной события развивались динамично. Таня вырвалась от насильника и домой. На её слёзы выскочил старший из двоюродных братьев – Юрка Серый. Рыжен, тем временем, хохотал, как от щекотки, отбиваясь от сестёр Ухабовых. Увидел угрозу и задал стрекача. Мимо пропылил в полном молчании. Да я бы и не побежал – хоть он зазавись. Не оглянулся даже полюбопытствовать – от кого это он. А зря. Сильнейший пинок напрочь выстегнул мою левую ногу. Нет, не оторвал, не сломал – а именно, выстегнул, будто не стало у меня вдруг ноги. Сел в траву – боли не чувствую,

конечности тоже. Мимо Серый за Рыженом вскачь, а я смотрю на свою левую и не узнаю – будто чужая. В коленке не сгибается. Кед стянул, пальцами пошевелить – они не шевелятся.

Бог мой, что случилось?

На ногу встать не могу – на четвереньках к дому ближайшему подполз, на лавочку взобрался, сижу, жду, когда отпустит. Время идёт, не отпускает. Неблагодарно выдрал палку из забора приютившего меня строения и как тот король с войны домой.

Нога вернулась ко мне среди ночи, вместе с болью – гнуться начала, вставать стало возможно. Утром повертелся перед зеркалом – обнаружил под ягодицей синее пятно, и всё. Хромота прошла через пару дней, но судороги, видимо от повреждённых мышечных нервов, остались на всю жизнь. Стоит только потянуться, особенно со сна, и готово – нога деревенеет, мышцы наливаются болью... Словом – судорога пришла.

Два дня думал, как Юрке Серому отомстить. Ничего путного не придумал, решил Витьке, брату его меньшему, морду набить – зуб за зуб. Прихожу. Они, троица неразлучная, лежат на том же месте, где их оставил в злополучный день.

– Вот, скотина, ему лишь бы подраться, – Юрку осуждают, мне сочувствуют.

И отлегло от сердца – ну, не кровожадный я мужик.

Тут Нуждасик со своей проблемой:

– Толик, ружьё надо – хорёк под крыльцом живёт, всех достал. Главное, своих кур не трогает, а соседским проходу не даёт, будто различать умеет.

– Нас спалить грозятся, – добавил сокрушённо.

– Хорошо, я поговорю с отцом.

– А украсть не можешь?

– Украсть не могу.

Отцу рассказал о Вовкиной беде, и он обещал помочь. Но помощь затянулась, а хорёк лютует. Тогда Нуждасик достал на стройке карбиду и сделал бомбу. Мы ему все помогли. Бомбу сунули под крыльцо, и бегом со двора. Она рванула – думали, дом разнесёт, но и крыльцо устояло. Ждали результатов – думали, хорёк испугается и убежит в другое место или помер уже от разрыва сердца. Ни то и ни другое – душит, гад, курей и всё соседских.

Тут мужики собрались – Вовки Нуждина отец, конечно, хозяин жилища, Евдокимовский батя с огромной овчаркой на цепи, другие. Отец пришёл с ружьём. Своротили крыльцо, начали нору копать. Нас, пацанов, со двора турнули – мало ли чего. Слышим за воротами – собака заливается, мужики матерятся. Потом всё разом стихло, выносят хорька дохлого – Нуждин-старший кайлом его убил. Он маленький такой, меньше суслика, а они – с ружьём, кайлом, собакой и целой толпой. Ну, блин, богатыри...

3

Лето, каникулы – надо чем-то себя занять. Тут как раз Вовка Евдокимов «Илиаду» Гомера прочёл. Не в оригинале, конечно, но загорелся весь – ходит перед нами гоголем, плечами поводит, себя возвеличивает:

– Аякс могучий....

Мальчишки завидуют, себе роли требуют.

– Пожалста, – говорит древнегреческий герой с улицы Набережной. – Ты будешь Ахиллом, а ты Гектором.

Им бы, дуракам (Витьке с Нуждасиком), первоисточник почитать, так не рвались бы в потенциальные покойники. Для себя решил – будут сильно завлекать, обзовусь Одиссеем. Этот хоть жив остался, как не трепала его судьба. Но мне роль не предлагали – в зрителях оставили. Мальчишки мечами деревянными обзавелись, щитами круглыми – день сражаются, другой. Всё одно и то же – ни ума, ни фантазии. Скукотища.

Поднимаюсь решительно:

– Завтра после табуна жду вас за первым холмом по дороге к лесу.

И ушёл, оставив за спиной недоумение и таинственность. По дороге домой зашёл к уличному приятелю Гошке Балуюеву. Рассказал свою задумку, потому что знал – этот паренёк во всём меня поддержит, всегда на моей стороне.

На следующий день, управившись с повседневными домашними обязанностями, занялся приготовлением к намеченной встрече. Подыскал длинную и ровную палку, привязал на конец самый большой гвоздь, который нашёл в отцовом плотницком хозяйстве. Получилось грозное, если не сказать смертельное, оружие. Подпоясался ремнём и сунул за него маленький топорик. Ещё картошки в сетку набрал. По дороге за «гору» собирал деревяшки для костра.

Гошка следом приковылял. Хромой он от рождения, но пацан что надо – порядочный и с головой дружит. Затею мою творчески развил – притащил тесёмочки цветные и перья индюка. А ещё краски акварельные спёр у младшего брата. Размалевали мы узорами фейсы свои, как могли, пострашней, бестолковки перьями украсили, костёр запалили, картошку печём.

Валят друзья мои новые. Мы с Гошкой встrepенулись – оружие наизготовку. Я топорик-томагавк сжимаю, Балуйчик копьё наперевес.

– Стойте, бледнолицие койоты! – говорю. – Как смеете топтать прерии команчей – сынов Великого Маниту?

Я им на полном серьёзе внушаю, что дальше нельзя, а Евдокимчику всюду театр блазнится:

– Как здорово! Как интересно! Ну, вы даёте!

И лезет напролом. Долезся – Гошка ему тупым концом копья задвинул в пах, толкнул ногой, зажавшегося, на землю, ржавый гвоздь в лоб нацелил:

– Ты что, койот трусливый, о двух скальпах на башке?

Вовка обиделся, а мальчишки попятнулись. Отступили. Устроили стоянку неподалёку. Только какой там бивак – у них и спичек с собой не было. Сидят, совещаются, нам кулаками грозят. Собаки бледнолицие! Потом нашли какие-то дубинки, пошли на приступ. Гошка копьём орудует, я к томагавку головню в левую руку добавил – отбились, а Евдокимчика, самого настырного, в плен забрали. Связали ремнями, у костра бросили – и принялись плясать ритуальные танцы кровожадных команчей.

– И-го-го! – вопим. – И-ги-ги! Хи! Хи! Хи!

Потом пытаться его стали. Орёт Вовчик на всю округу, а мы ему вторим.

Витька Серый издадека:

– Отпустите, а то за Юркой сбегаю.

Ну, не дурак ли? Ни грамма фантазии. Вовку мы развязали не потому, что испугались – картошка испеклась. Сидим втроём, уплетаем, а тем грозим:

– У-у, шакалы! Только суньтесь.

Наелись, а картошка осталась. Куда девать? Ладно, подходите, жрите – команчи народ добрый. Примирились, сидим одной гурьбой. На небе закат догорает, в костре угли перемигиваются. Тут я и поведал свою мечту – хочу, мол, в чащобе шалаш поставить и из дому удрать, потому как жить там нет больше моей мочи. Все вдруг сразу оказались обиженными домочадцами, у всех нашлась причина покинуть родной чертог и перебраться в лес.

А темнота уже подкатывала со всех сторон. Где-то на болоте протяжно завывла выпь. Ночная ласточка, а может, летучая мышь пискнула над головой. Жутко стало, и мы засобирались домой.

4

Несколько дней откладывали поход – оружие готовили. Когда собрались – у всех луки со стрелами, копья, ножи. Лица разрисовали акварельными красками и двинулись в путь. Пока к лесу шли, стреляли из луков в сусликов и грачей – дичи не добыли, зато ягодами полакомились. Набредли на обглоданный коровий череп, и заплясали вокруг – будто это мы его оторвали и обглодали. А бизон, наверное, удрал безголовым...

На опушке леса бугрился нарытыми берегами канал – вели его когда-то для осушения болота, да и бросили затею у береговой черты. В лесу он кустами зарос, ряской затянулся, а в поле вода чистая – то ли дождевая, то ли ключевая – голубеет на солнце от медных солей. Мы с ребятами сюда купаться приходили. А иногда и подраться. Чапаевские куркули считали канал границей владений и таким разделом прихватили большую часть леса со свалкой, оставив нам поле, кладбище, да сосновые посадки. Когда мы им попадались по ту сторону канала, били нещадно и отбирали всё, что могли – ремни, ножи, лукошки с грибами.

Однажды (это было весной, после известных зимних баталий) пошли шестером в лес – четверо пацанов из нашего класса первой школы и две девочки – за подснежниками, соку берёзового попить. А Рыжен ещё надеялся пресловутый склад найти. Карта в той памятной сечи погибла, так он меня тербил:

– Ты помнишь где? Ты должен помнить, Толян.

Так вот, только мы лунки в берёзах проковыряли, откуда ни возьмись двое чапаевских верзил:

– А что это вы тут делаете? А кто вам разрешил берёзы губить? Сейчас мы фамилии ваши запишем и штраф присобачим. Ну-ка, сдайте ножи.

Мы, дураки, послушались и сдали. Вооружившись нашими «пиками», чапаевцы мигом сбросили личины добропорядочности – нам по шеям надавали, к девчонкам стали приставать. Те в рёв да бежать. Они приказали нам лечь – мы легли. Один остался охранять, другой в погоню за девчонками. Вернулся с «фонарём» под глазом и выместил злость на нас, лежащих. Потом повели в Чапаевку, в рабство. По дороге увидели гнездо на высокой берёзе и приказали достать грачиные яйца. Ствол гладкий, веток нет – карабкались, карабкались – безрезультатно. Только Рыбак выше всех поднялся, но и ему не хватило сил до гнезда добраться. Спускаться начал, а один из верзил нож выставил и говорит:

– Спустишься – на «пику» сядешь. Лезь к гнезду.

Тут-то нас лесник и зашухерел. Свист кнута и брань матерная – все врассыпную. Причём мы втроём в сторону дома рванули, а Рыжен с верзилами в Чапаевку. Какой чёрт его туда понёс, сам потом объяснить не смог. Когда его отпустили, через лес идти побоялся и побрёл кружным путём – по дороге из Южноуральска в Увелку. Приплёлся домой только вечером.

Девчонки после этого нас долго презирали. И поделом!

Ребята на улице высмеивали. А потом как-то летом пошли на канал купаться – вот они, чапаевские, числом не меньше, чем у нас ватага. На своём берегу загорают, купаются. Один переплыл, к нам подходит:

– Закурить не найдётся?

А тут поодаль выходят на берег канала Барыга Калмыков с Олегом Духовичем, обиженные – чапаевские у них в лесу грибы отняли и юшку из носов пустили.

– Андрюха! – кричит старший Калмык Шиляю. – Ты ему в рыло лучше дай.

Ну и дали – только не Андрей, а Вовка Грицай. Так треснул, что чапаевский курильщик в канал упал и камнем на дно. Чапаевские вскочили и в воду – хотят на наш берег перебраться и поквитаться. Наши ребята одежду скинули и навстречу. Пошла баталия – старшие в воде дерутся, мы, которые поменьше, камнями с берега врагов забрасываем. Только Андрей

Шиляев не поддавался общему азарту – одежду скинул, нырнул и вытащил на берег того, что Сула вырубил. Лежит чапаевец недвижимый, даже не вздохнёт – наверное, воды в груди под самую завязку. Вернули его к жизни Барыга с Духом, перебравшиеся на нашу сторону канала. Впрочем, Борька по обыкновению своему скакал вокруг, тряся руками, а Олег тот приложился – сначала босыми ногами по рёбрам, а потом и кулачищем в морду – поднимает за волосы и бьёт. И получилось – один свою злобу выместил, а для другого и искусственное дыхание, и непрямой массаж сердца, и этот.... как его? ...когда током грудь вздымают. Встрепенулся утопленник, перевернулся лицом в глину и пустил фонтан воды изо рта и носа. Потом долго и надсадно кашлял....

Между тем, смяв противника в воде, наши ребята перебрались на тот берег и погнали чапаевцев прочь. До самого леса гнали, а там тормознулись – враг получил подкрепление. Выходят на опушку двое вооружённых детей – один с поджегом, другой с обрезом двуствольного охотничьего ружья.

Стой, ребята, осади!

Ну, в принципе, можно и вернуться – чапаевцев мы погоняли, канал остался за нами. Но побитые сами всё испортили – ощутив поддержку, снова кинулись в драку. Все смешались в потасовке – стрелять нельзя, своих заденешь. Поджег в небо разрядили, никого не испугали – дерутся наши парни с прежней яростью, теснят чапаевцев и побеждают. Тот что с обрезом психанул и из обоих стволов прямо в толпу. Витьке Ческидову щёку дробинка пробила и к зубу прилепилась. У Андрюхи Шиляева ото лба отскочила, но кожу пробила – кровь выступила. А Халве три дробинки в бок – под кожей так и синели, пока его отец на операцию в больницу не свозил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.